

Вырезка из газеты

КИНО

от

10 ЯНВ. 41

Газета №

Москва

Дебют Н. П. Черкасова

Молясь, остря, весь преданный
причудам,

То ловкий шут, то демон,
то герой.

Суворов был необъяснимым
чудом...
Байрон

В письме к князю Потемкину от 10 декабря 1784 года из села Удалова Суворов писал: «Долговременное мое пребывание в нижних чинах преобрело мне грубость в поступках при чистейшем сердце и удалило от познания светских наружностей; препроводя мою жизнь в поле, поздно мне к ним привыкать. Наука просветила меня в добродетели; я лгу, как Эпаминонд, бегаю, как Цесарь, постоянен, как Тюрень, и праводушен, как Аристид. Не разумея изгибов лести и ласкательств, моим сверстникам часто неутолен. Не изменил я моего слова ни одному из неприятелей; был счастлив, потому что я повелеваю счастью».

Этим письмом Суворов вскрыл будущему исполнителю роли великого русского полководца всю внутреннюю сущность образа. Более того, он подсказал характер поведения в целом и в частностях. Письмо — своеобразная партитура образа, в котором отдельные человеческие качества — высокая нравственность, бичующий сарказм, ненависть к угодливости, пылкость, строптивость, впечатлительность, беспокойство и шутливость — создают единую симфонию большого характера.

Артист Н. Черкасов следил внимательно за знаками этой партитуры. Выраженные актером в действиях, они привели к образу многогранному, острому, необычному.

Суворов ясен с первого же появления. В его простоте и лаконичности он сразу весь, как на ладони. О сложности характера говорят разве только одни глаза. Это понятно: Суворов перед фронтом близких «му людей». Идет откровенный разговор «на-ты». Здесь не требуется никакой личины, никакой дипломатии. Грани между различными отношениями к полкам и офицерам так же резки, как резка разница между оценками боевых качеств, которые Суворов дает фанаторийцам, ростовцам и азовцам. Это — поведение полководца, в устах которого каждая поговорка становится боевым лозунгом.

Так звучит в первой части фразы, сказанная о врагах: «Недорубленный лес опята вырастает».

Поначалу прямолинейность Суворова заставляет воспринимать весь образ, как однопланный. Слишком глубоко скрыты в нем тонкие оттенки характера. Лишь иногда, и только на одно мгновение, острая смешинка в прищуре глаз выдает присущие ему хитрость и природный ум. Таков Суворов перед боем под Варшавой, таков он в Тульчине перед ссылкой и в бою с армией генерала Массены в знаменитом швейцарском переходе, где в холодных снегах фельдмаршал появляется перед войсками в неизменном «родитель-

ском» плаще с неизменными шутками на устах («Возьмем приторочек?»).

Но вот Суворов вынужден встретиться с посланцем императора Павла, который требовал от фельдмаршала подчинения новому уставу. Суворов сначала внешне спокоен, но великий гнев закипает в этом маленьком и сухощавом человеке, когда он узнает, что по новому павловскому уставу «солдат есть простой механизм, артикулом предусмотренный».

В этой сцене твердость характера обтачивается основным качеством образа, как бы его грунтом, на который накладываются новые краски. В своеобразной актерской манере Черкасова эти краски ложатся резкими мазками — гнев мгновенно сменяется иронией, холодное презрение — саркастической мягкостью, серьезность — шутовством. Черкасов как бы жонглирует своим собственным поведением и делает это с большим искусством.

Но порой, особенно в тех сценах, где Суворов остается наедине со своими мыслями, такая манера, в которой отсутствуют переходные ступени от одного состояния к другому, дробит образ на ряд «приемов актерского поведения». И тут, как естественное следствие, возникает интонационное однообразие.

Но зато в таких сценах, как во дворце Павла Первого, там, где Суворов «чудит», черкасовские приемы подчинены задаче гневного разоблачения «лести и ласкательств». Внезапные трансформации, переходы от ужимок и эксцентрических прищуриваний к загадочным фразам и снова к смешным выходкам — все это делается настолько серьезно, что бьет прямо в цель. Сквозь маску чудака и фигляра все время виден обжигающий взгляд человека огромного ума и протестанта.

В своей книге о Суворове К. Осипов приводит ответ полководца Фуксу на вопрос о причинах «чуждости».

«— Это моя манера (курсив наш), — ответил Суворов. — Слышал ли ты о славном комике Карлене? Он на парижском театре играл Арлекина. Как-будто рожден Арлекином, а в частной жизни был пресерьезный и строгих правил человек: ну, словом Катон».

Жизнь Суворова — Черкасова в походах с войсками, в боях; на паркете дворцового зала он уподобляется Арлекину в театре: поскальзывается на лакированном полу, подчеркивая этим, что ему чужда дворцовая обстановка; кланяется лакею, которого тут же уподобляет Аракчееву... Это не безобидная игра, а влиятельная ирония, поражающая мишень, как штыковой удар.

У Черкасова молодой голос, резкий в верхнем регистре. Это контрастирует со старческими повадками Суворова. Но именно такой контраст придает какой-то особенный задор и особое обаяние всему его облику.

Первая большая работа Н. П. Черкасова в кинематографе — безусловная удача актера.

Б. НИКОЛЬСКИЙ